

PG3337
P6Z66
1896

P54-78

Вл. Боряновскій.

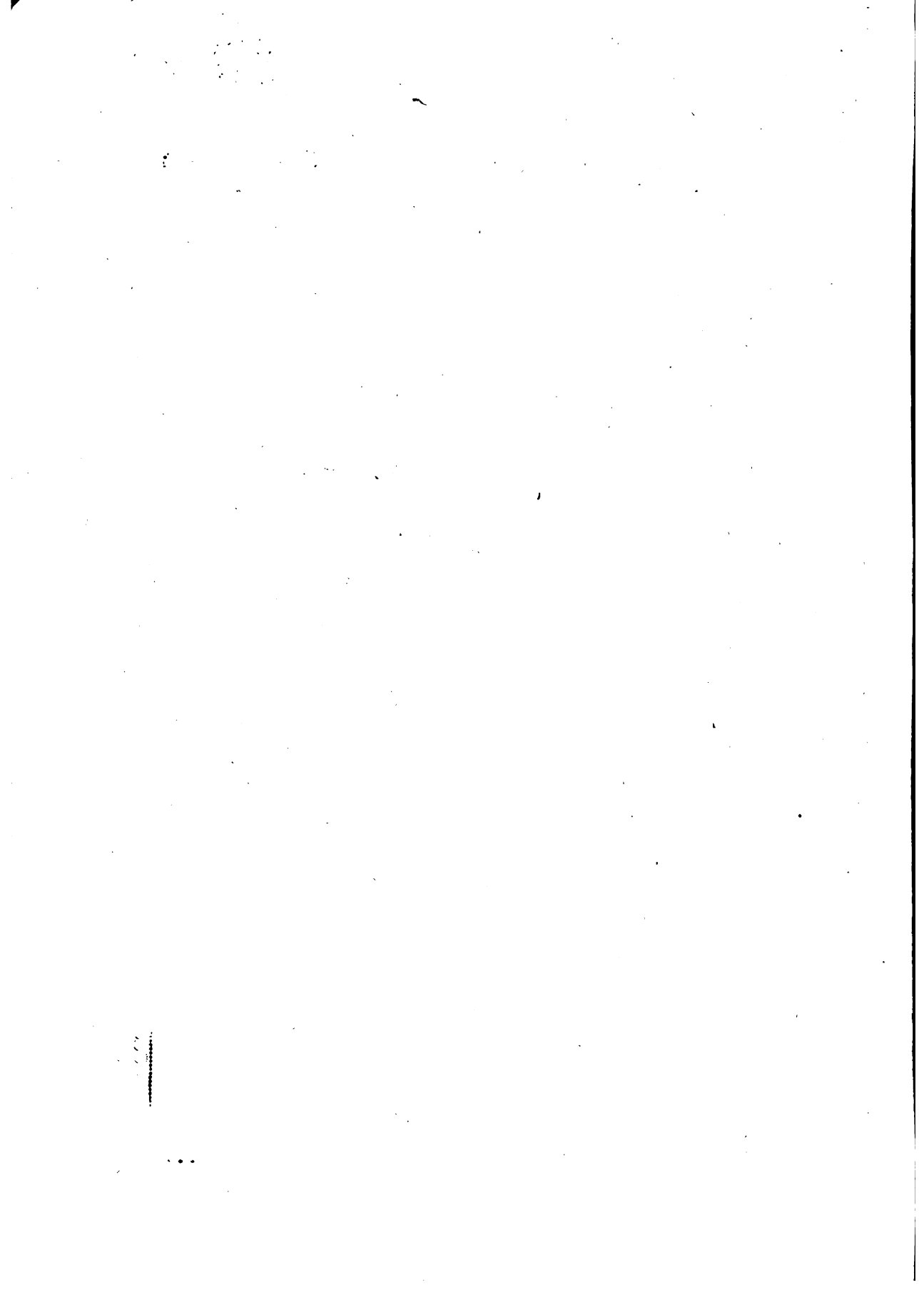
STANFORD
LIBRARIES

Н. А. ПОЛЕВОЙ, КАКЪ ДРАМАТУРГЪ.

(Къ 50-ти-лѣтію его смерти).

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
изъ
„ЕЖЕГОДНИКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ“
сезона 1894—1895 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорскихъ Сиб. театровъ, Моховая, 40.
1896.

Вл. Боцяновскій.

Н. А. ПОЛЕВОЙ, КАКЪ ДРАМАТУРГЪ.

(Къ 50-ти-лѣтію его смерти).

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
изъ
„ЕЖЕГОДНИКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ“
сезона 1894—1895 гт.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорскихъ Спб. театровъ, Моховая, 40.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6-го мая 1896 года.

Н. А. ПОЛЕВОЙ,

какъ драматургъ.

(Къ 50-ти-лѣтію его смерти).

Исполнившееся 22-го февраля пятидесятилѣтіе со дня смерти Николая Алексѣевича Полевого обнаружило очень крупный пробѣлъ въ исторіи нашей литературы. Какъ это ни странно, но у насъ нѣтъ не только всесторонней оцѣнки дѣятельности этого писателя, работавшаго во всѣхъ областяхъ современной литературы, но даже сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Желаясь познакомиться съ жизнью и трудами Полевого располагаешь такими же средствами, какъ и читатель пятидесятихъ годовъ. Брошюра Бѣлинскаго, Записки брата его—Ксенофонта Полевого, нѣсколько журнальных статей,—вотъ все, что даетъ литература для ознакомленія съ дѣятельностью замѣчательнаго журналиста, историка, беллетриста и драматурга. Своей статьей мы, конечно, не думаемъ восполнить этотъ пробѣлъ. Драматическая дѣятельность Полевого, составляющая главный предметъ нашей статьи, представляетъ собою самую незначительную часть всей литературной дѣятельности его. Бѣлинскій, сдѣлавшій общую оцѣнку Полевого, какъ писателя, считалъ ее настолько незначительной, что ограничился только простымъ упоминаніемъ о драмахъ, написанныхъ имъ ¹⁾. Думаемъ, однако, что при общей характеристикѣ литературной дѣятельности Полевого такое игнорированіе неумѣстно. Несомнѣнно, что Полевой не былъ выдающимся драматургомъ, но, вѣрнѣе съ тѣмъ, никто не станетъ отрицать, что въ свое время для русской

¹⁾ В. Г. Бѣлинскій. Сочиненія. М. 1874. Т. XII, стр. 187.

сцены и общества онъ и въ этой роли имѣлъ не малое значеніе. «Кто двадцать лѣтъ владѣлъ общимъ вниманіемъ публики»,—скажемъ мы словами самого Полевого,—«германской, французской, англійской, русской, тотъ, Скрибъ ли онъ, или Коцебу, не можетъ не имѣть какихъ-нибудь достоинствъ» ¹⁾ и потому,—прибавимъ отъ себя,—заслуживаетъ вниманія.

I.

Николай Алексѣвичъ Полевой родился въ Иркутскѣ. Купеческая семья, въ которой онъ выросъ заключала въ себѣ въ одно и тоже время условія, благопріятствовавшія его развитію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тормозившія его. Отецъ его былъ однимъ изъ сибирскихъ интеллигентовъ, выписывалъ газеты и книги, былъ знакомъ почти со всѣми образованными обитателями Иркутска, но, несмотря на это, неблагоклонно смотрѣлъ на занятія сына. К. Полевой объясняетъ это тѣмъ, что отецъ чувствовалъ «несообразность воспитанія съ дѣйствительностью», преслѣдовалъ своего сына за то, что онъ увлекался науками, и въ порывѣ гнѣва разъ даже бросилъ въ огонь его бумаги ²⁾. Объ этомъ говорилъ самъ Н. Полевой, это же подтверждаетъ и его большой поклонникъ, И. З. Крыловъ ³⁾. Видя такое отношеніе къ своимъ занятіямъ, научившись читать, Полевой работалъ потихоньку, работалъ по ночамъ. Днем велъ торговые дѣла отца, а вечерніе досуги употреблялъ на свое ученіе. По пріѣздѣ въ Курскъ, куда переселились Полевые вслѣдствіе окончательнаго разстройства дѣлъ, Н. Полевой долженъ былъ поступить прикащикомъ въ чужую контору, но не оставилъ своихъ прежнихъ занятій. Здѣсь онъ у какого-то пьянаго итальянца цирюльника изъ Наполеоновской арміи началъ учиться латинскому и французскому языку у богемца, учителя музыки,—нѣмецкому, а двадцати лѣтъ засѣлъ уже за изученіе высшей русской грамматики. Только его необыкновенной талантливостью и способностями можно объяснить то, что, начавъ болѣе или менѣе серьезное ученіе въ 1818 году, онъ безъ чьей-либо помощи, безъ всякой школы, добился настолько блестящихъ результатовъ, что въ 1828 году могъ предоставить въ Академію Наукъ изслѣдованіе о русскихъ глаголахъ, удостоенное большой серебряной медали, а въ 1825 году началъ издавать лучший русскій журналъ, своимъ появленіемъ

¹⁾ «Репертуаръ» 1840, кн. II, стр. 5.

²⁾ К. А. Полевой. Записки. Спб. 1888. Стр. 17.

³⁾ Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ Н. А. Полевого. М. 1849. Стр. 19.—Н. А. Полевой. Очерки русской литературы. Спб. 1839. Ч. I, стр. XXXI.

составившій эпоху въ русской журналистикѣ, и даже сталъ во главѣ литературнаго и умственнаго движенія того времени.

Въ самой ранней молодости зародились въ немъ уже тѣ разносторонніе интересы, которые были осуществлены имъ позже. Почти ребенкомъ, онъ писалъ стихи, издавалъ журналъ «Другъ Россіи», любилъ исторію, увлекался театромъ. Последнее мы считаемъ необходимымъ особенно подчеркнуть въ виду тѣхъ упрековъ, которымъ онъ подвергся позже, начавъ свою драматическую дѣятельность. Булгаринъ, наприимѣръ, со свойственнымъ ему цинизмомъ, заявлялъ, что Полевой взялся за это дѣло, не чувствуя къ нему никакого расположенія, изъ простаго разсчета, только потому, что «вкусъ высшаго сословія и публики явно обратился къ театру» ¹⁾. Другіе, соглашаясь съ этимъ, кромѣ того, подозрѣвали Н. А. Полевого еще въ какихъ-то нечистыхъ побужденіяхъ и разсчетахъ ²⁾.

Между тѣмъ, любовь къ театру проявилась у Полевого въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ съ увлеченіемъ рассказываетъ о видѣнныхъ имъ въ дѣтствѣ представленіяхъ кукольныхъ комедіантовъ, передаетъ даже содержаніе видѣннаго. Еще въ Иркутскѣ онъ познакомился съ твореніями Сумарокова и Хераскова. «Имѣя темное представленіе о сценѣ и театрѣ»,—разсказываетъ онъ,—«скоро познакомился я теоретически съ драмою и даже самъ началъ писать трагедіи и комедіи. Мнѣ попались въ руки тома два сочиненій Сумарокова, тома два Княжнина, но полную побѣду одержалъ надо мною Херасковъ: двѣнадцать томовъ его твореній, гдѣ нѣсколько томовъ занято его драмами, увлекли меня. Давай читать, давай самому писать» ³⁾. Результатомъ этихъ увлеченій старыми драматургами былъ цѣлый рядъ дѣтскихъ произведеній въ этомъ же родѣ: трагедія «Бланка Бурбонская», драма «Герои Русскіе въ Пруссіи», въ которой главными героями были Наполеонъ и Беннигсенъ, представленіе «Царская свадьба», изображавшая свадьбу Царя Алексѣя Михайловича. Разказы о театрѣ онъ слушалъ и читалъ съ величайшимъ вниманіемъ. «Я не иначе думалъ о драматическихъ писателяхъ»,—говоритъ онъ,—«какъ объ избранникахъ рода человѣческаго и, конечно, одурѣлъ бы отъ радости,—да, просто, скорѣе бы повѣрилъ бы, что сдѣлаюсь японскимъ императоромъ, нежели творцомъ чего-нибудь въ родѣ безсмертныхъ

¹⁾ Бѣлинскій. Сочиненія, т. VII, стр. 23—.

²⁾ «Русская Старина», 1889, т. LXII, стр. 298; т. LXIV, стр. 104.

³⁾ Мои воспоминанія о русскомъ театрѣ и русской драматургіи. «Репертуаръ», 1840, кн. II, стр. 1—12.

твореній Хераскова и Сумарокова». Не выѣзжая изъ Иркутска, пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ уже былъ знакомъ со всѣмъ, что было лучшаго въ русской драматургіи, перечиталъ Сумарокова, Хераскова, Озерова, Коцебу, которые тогда признавались классиками, интересовался статьями, трактовавшими о драматической литературѣ, мечталъ о Шекспирѣ.

Попавъ въ іюлѣ 1811 года на извѣстную Макарьевскую ярмарку, онъ не преминулъ побывать въ театрѣ, который произвелъ на него ошеломляющее дѣйствіе. Здѣсь шли въ это время «Гусситы подъ Наумбургомъ» и «Дѣва солнца» Коцебу, «Рѣдкая вещь» и другія пьесы. «Вообразите, что долженъ былъ я чувствовать, въ первый разъ отъ роду пришедши въ театръ и видя Гусситовъ»,—пишетъ Полевой.—«Я заливался слезами, и, право, вышелъ изъ театра добрѣе, нежели вошелъ въ него; а на другой день мои понятія такъ перепутались, что и «Наумбургъ», и «Макарьевъ», и «Гусситы», и ярмарка составили въ гловѣ моей что-то такое пестрое, соединеніе чего-то дѣйствительнаго съ фантастическимъ»... Въ Москвѣ, куда онъ былъ отправленъ отцомъ для устройства всякаго рода дѣлъ, Полевой, говоря словами его брата, «вѣтренничалъ», посѣщалъ лекціи, покупалъ книги, по три раза въ недѣлю посѣщалъ театръ ¹⁾, который занималъ тогда середину площади на валу Бѣлаго города, гдѣ кончается Пречистенскій бульваръ. Современный репертуаръ составляли разнаго рода драмы, трагедіи, комедіи, оперы, оперетки, оригинальныя и переводныя. Особенный успѣхъ имѣли Озеровскія драмы—«Эдипъ», «Димитрій» и «Фингалъ», «Сумбека» С. Глинки, а изъ переводныхъ «Отецъ семейства» Дидро, «Коварство и любовь» Шиллера и другія. Полевой сдѣлался записнымъ театраломъ. «Всѣ мы»,—говоритъ онъ о себѣ и своихъ товарищахъ,—«хаживали въ партеръ, безъ афишки угадывали лица, считали себя большими знатоками, хлопали до усталости, судили, рядили, имѣли своихъ любимцевъ и любимицъ и конца не было нашимъ спорамъ за пьесы и артистовъ» ²⁾. Война 1812 года вызывала сильный подъемъ патріотизма. Полевой былъ свидѣтелемъ и даже участникомъ тѣхъ патріотическихъ восторговъ, которые вызывали пьесы въ родѣ «Минина» С. Н. Глинки. Публика съ удивительной чуткостью подчеркивала каждый стихъ, каждое слово, имѣвшее отношеніе къ тому, что происходило тогда на театрѣ военныхъ дѣйствій. Ближайшимъ результатомъ увлеченія театромъ было то, что Полевой такъ же какъ и раньше, началъ писать для театра, «скропалъ», какъ онъ самъ

¹⁾ Кс. Полевой. Записки, стр. 28, 30.

²⁾ «Репертуаръ», 1840, кн. II, стр. 8.

выражается, цѣлую трагедію «Василько Романовичъ», которую, по окончаніи, сжегъ, чувствуя, что она «никуда не годится» ¹⁾. Поселившись въ Курскѣ, гдѣ онъ поступилъ на службу къ купцу А. П. Баушеву, Полевой завелъ здѣсь небольшой домашній театръ, на которомъ ставилась, между прочимъ, трагедія Нарѣжнаго «Димитрій Самозванецъ» ²⁾. Та же любовь къ театру въ болѣе позднее время высказалась у Полевого-журналиста въ томъ, что его журналъ постоянно слѣдилъ за всѣми выдающимися явленіями не только русской, но и европейской сцены. На страницахъ «Московского Телеграфа» можно было встрѣтить переводы лучшихъ статей о драматическомъ искусствѣ, разборы произведеній такихъ драматурговъ, какъ Шекспиръ, рецензіи на всѣ новости драматической литературы. Цѣлый, довольно обширный, отдѣлъ «Телеграфа» былъ посвященъ театру. Князь Вяземскій даже высказывалъ свое удивленіе по этому поводу. «Статьи о русскомъ Московскомъ театрѣ, печатанныя прежде, и кон, кажется, будутъ имѣть продолженіе въ нынѣшнемъ»,— писалъ онъ,—«замѣчательны своею обширностью. Нельзя не подивиться охотѣ и возможности говорить такъ часто и такъ много о г-жѣ Лавровой, г-жѣ Репиной» и др. ³⁾. Наконецъ, въ томъ же «Московскомъ Телеграфѣ» онъ началъ уже печатать небольшія пьески. Одна изъ нихъ была поставлена даже на сцену позже ⁴⁾.

Послѣ всего сказаннаго трудно видѣть въ драматической дѣятельности Полевого простой результатъ *спроса*, тѣмъ болѣе, что и спроса особеннаго не было. «Если дѣло идетъ о модѣ, объ обращеніи вкуса къ театру»,—писалъ Полевой,—«право, его не было и теперь еще нѣтъ; начавши писать, я не могъ увлечься примѣромъ другихъ» ⁵⁾. Полевой любилъ театръ, у него были всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться драматическимъ писателемъ, и если онъ сдѣлался таковымъ въ концѣ своей литературной дѣятельности, а не въ на-

¹⁾ Тамъ же. Объ этомъ же говорить и Кс. Полевой въ своихъ Запискахъ, стр. 30.

²⁾ Кс. Полевой. Записки, стр. 37.

³⁾ Вяземскій. Сочиненія, т. II, стр. 126.

⁴⁾ Подъ заглавіемъ «Полчаса за кулисами». Напечатана была она въ «Новомъ Живописцѣ», издававшемся при «Московскомъ Телеграфѣ», подъ заглавіемъ «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина». Тамъ же, въ «Живописцѣ», были напечатаны сцены: «Визиты въ Новый годъ», «Бесѣда у стараго литератора или Устарѣла старина», «Бесѣда у молодаго литератора или Старымъ бредить новизна», «Предсѣдатель и совѣтники», былъ не быль, однако жъ и не сказка, «Разговоръ послѣ бесѣды съ литераторами» («Новый Живописецъ Общества и Литературы». М. 1831—1832. Ч. IV и V).

⁵⁾ «Сынъ Отечества», 1839, т. VIII, № 4, стр. 110.